

Политические и социальные взгляды российских мусульман: «ХАЛИФАТ», «КАДЫРОВЩИНА» ИЛИ «КАША»?

ПОНАРС Евразия

Аналитическая записка № 468

Апрель 2017 г.

Теодор П. Гербер¹

Висконсинский университет в Мэдисоне

Джейн Зависка²

Университет Аризоны

Среди европейских стран Россия занимает первое место по численности мусульманского населения. Хотя точные данные отсутствуют, оценки обычно варьируются в пределах 16-20 млн. До какой степени российские мусульмане представляют собой сообщество со взглядами, отличными от россиян, не исповедующих ислам? Мы отвечаем на этот вопрос, используя данные опроса 2015 года, который включал выборку, преднамеренно сделанную с запасом в четырех преимущественно мусульманских регионах Северного Кавказа и Поволжья. Мы рассматриваем эмпирические данные для того, чтобы определить которая из трех конкурирующих метафор в отношении взглядов российских мусульман наиболее точна: «халифат», «кадыровщина» или нечто неоднородное, неоформившееся и, возможно, комковатое, что ассоциируется у нас с чашкой каши. Мы полагаем, что мусульмане отличаются от немусульман по отношению к ряду политических вопросов, и что эти взгляды лучше вписываются в логику «кадыровщины», нежели «халифата» или «каши». В то же время, мы показываем, что взгляды российских мусульман существенно, хотя, возможно, и не вполне логично, различаются в зависимости от географического региона.

Три конкурирующих метафоры для характеристики взглядов российских мусульман

¹ [Теодор П. Гербер](#) - профессор, преподаватель социологии, директор Центра исследований России, Восточной Европы и Центральной Азии в Висконсинском университете в Мэдисоне.

² [Джейн Зависка](#) - помощник декана по исследованиям, доцент, преподаватель социологии в Колледже социальных и поведенческих наук Университета Аризоны.

«Халифат»

Мусульманское население России часто рассматривается в качестве потенциального источника нестабильности, учитывая многолетнюю озабоченность угрозой со стороны экстремистских движений (особенно на Северном Кавказе) и усилия глобальных джихадистских организаций, вдохновляющих радикальных исламистов в России. Некоторые западные наблюдатели били тревогу по поводу опасности «Российской исламской угрозы» (название [книги](#) Гордона Хана 2007 года), отмечая появление основанных на религии радикальных группировок вроде «Эмирата Кавказ» Доку Умарова, неоднократные теракты в России, организованные приверженцами подобных группировок, продолжающееся силовое противостояние между федеральными войсками и местными экстремистами на Северном Кавказе, появление чеченцев и дагестанцев в качестве заметных участников таких глобальных джихадистских организаций, как Исламское государство и Джабхат ан-Нусра, а также объявление Северного Кавказа провинцией Халифата лидером ИГ Абу Бакром Аль-Багдади в июне 2015 года. Российское правительство преувеличивало угрозу со стороны радикального ислама, поскольку оно стремилось подавить исламистские группировки грубой силой, наращивая свои усилия в годы, предшествовавшие Олимпийским играм в Сочи 2014 года. Все эти соображения создают концептуальный образ мусульман России как людей, симпатизирующих идеям радикального джихада и, соответственно, враждебных российскому правительству. Мы называем это метафорой «халифата» применительно к общественному мнению российских мусульман.

«Кадыровщина»

Путинская администрация предприняла не очень известные, но потенциально важные меры для того, чтобы заручиться поддержкой российских мусульман. Власть работала с мусульманскими духовными лицами, часто используя патронаж, чтобы обеспечить поддержку ими внутренней и внешней политики РФ. Москва подчеркивала соответствие своей консервативной социальной повестки традиционным мусульманским ценностям, делая упор на то, что отличительные черты российских мусульманских традиций будто бы являют собой возможную модель для всего остального мусульманского мира. Также была построена Московская соборная мечеть, на открытии которой в сентябре 2015 года присутствовал сам президент Владимир Путин. Эта политика продолжает историческую практику кооптации мусульманских элит, веками использовавшуюся российской властью. Иллюстрацией успеха этих усилий могут служить страстно выражаемая преданность Путину, поддержка его политики и социальный консерватизм, демонстрируемые лидером Чечни Рамзаном Кадыровым. Для российского правительства популярность Кадырова, возможно, является палкой о двух концах, поскольку руководитель Чечни также отстаивает автономию республики по отношению к федеральному контролю и регулярно угрожает насилием со смертельным исходом (и практикует его) против своих врагов и оппонентов Путина. До сих пор Кадыров платил за покровительство Путина гиперлояльностью и успешностью кампании по подавлению вооруженных

сецессионистов и исламских радикалов в Чечне. Если усилия российского правительства по кооптации мусульман можно считать, в основном, успешными, «кадыровщина» (комбинация гиперлояльности Путину, поддержки его политики, отстаивания республиканского суверенитета и социального консерватизма) является подходящим определением главного тренда общественного мнения сообщества российских мусульман.

«Каши»

Длительная история интеграции мусульман в российское общество, политическая культура и подавление отчетливо основанной на религиозности идентичности в советский период могли способствовать формированию политической и социальной ориентации мусульманского населения, неотличимой от ориентации этнических русских. Российскому обществу не хватает консенсуса относительно многих стоящих перед ним политических и социальных проблем; аналогичная ситуация, возможно, характерна и для российских мусульман. Если использовать выражение из [статьи](#) Гербера и Мендельсон 2009 года, сравнивающей взгляды молодых мужчин из Дагестана, Кабардино-Балкарии и Северной Осетии с мнением молодых мужчин из других регионов РФ, общественное мнение российских мусульман сквозь призму данной перспективы может ассоциироваться с «чашкой каши».

Данные и анализ

Какая из этих противоречащих друг другу метафор наиболее точно иллюстрирует главный тренд общественного мнения в среде российских мусульман? До сих пор не было эмпирических данных для ответа на этот вопрос. Квалифицированные наблюдатели, журналисты и ученые изучали изменения в контртеррористической политике российской власти, взлеты и падения разного рода исламистских радикальных группировок и лидеров, а также тенденции изменения уровня насилия на Северном Кавказе. К примеру, они зафиксировали существенное снижение политического насилия в регионе в течение двух последних лет, что, возможно, является следствием сочетания силовых действий федеральных властей и отъезда многих радикалов в ИГИЛ. В ходе другого исследования были проинтервьюированы мусульмане Дагестана и других регионов: была предпринята попытка оценить реакцию мусульман на действия российского правительства и аргументы лидеров экстремистов. Однако пока не проводилось таких исследований, которые предоставили бы эмпирические данные об общественном мнении российских мусульман в целом.

В настоящей работе мы анализируем данные российской части опроса «Сравнительное исследование: квартирный вопрос и социальная стабильность», проводившегося Левада-центром по нашему заказу весной 2015 года.³ Хотя опрос отчасти

³См.: Теодор Гербер, Джейн Зависка, [Квартирный вопрос и недовольство электората в постсоветской Евразии](#), Аналитическая записка ПОНАРС Евразия № 415, январь 2016 года.

концентрировался на жилищных проблемах, он также включал в себя широкий круг вопросов, связанных с доверием к российским лидерам и институтам, продвигаемым путинским режимом политическим и социальным нормам, а также внешней политикой. В дополнение к репрезентативной на национальном уровне выборке в 2001 респондента в возрасте от 18 до 49 лет, отобранных с использованием стандартной многоступенчатой процедуры, исследование также включало дополнительную выборку в 400 респондентов в той же возрастной группе из четырех регионов с большой концентрацией мусульман: два в Поволжье (Башкортостан и Татарстан) и два на Северном Кавказе (Дагестан и Кабардино-Балкария). Эти дополнительные выборки позволили реализовать нашу цель опросить необычно большое число респондентов-мусульман: в общей сложности, 407 из 2401 респондента сообщили, что они являются мусульманами. Из них 241 респондент проживал в республиках Северного Кавказа (включая Карачаево-Черкесию вдобавок к тем двум вышеупомянутым северокавказским республикам, в которых были сформированы дополнительные выборки), 105 жителей двух республик Поволжья и 61 человека из других регионов. Эта большая подвыборка предоставляет беспрецедентную статистическую важность для анализа вопроса о том, является ли общественное мнение российских мусульман отличным от мнения остальных респондентов.

Принимая во внимание особую историю Северного Кавказа и его значимость в формировании образов как «халифата», так и «кадыровщины», мы ожидали, что взгляды мусульманского населения будут варьироваться в зависимости от региона. Соответственно, в процессе анализа мы проводили различие между группами северокавказских мусульман и мусульман, проживающих в других регионах (большинство последних, правда, проживают в двух республиках Поволжья). Для оценки того, разделяются ли специфические взгляды одной или обеими группами мусульман, мы использовали методики регрессии для сравнения каждой из двух групп с россиянами-немусульманами по трем категориям мнений: 1) доверие к лидерам и институтам, 2) отношение к социальным и политическим нормам и 3) внешнеполитические взгляды.

Наши статистические модели контролируют пол, возраст, образование и проживание в городе либо в сельской местности; поскольку эти характеристики могут коррелировать с переменной трех категорий «мусульманского» статуса и также могут влиять на общественное мнение, тем самым, возможно, сглаживая различия, обусловленные составом групп и членством в группах как таковым. Для простоты мы изобразим наши замеры общественного мнения как простые дихотомические переменные. Чтобы облегчить интерпретацию, мы представим наши выводы в виде «усредненных предельных эффектов». Иными словами, мы отмечаем те типичные различия, которые происходят из перспективы северокавказских мусульман либо мусульман из других регионов (в соотношении с перспективой немусульман) с ожидаемой вероятностью

того, что кто-то согласится или не согласится с конкретным высказыванием при контроле других факторов.

Доверие к институтам

Заданная респондентам совокупность вопросов о том, насколько они доверяют Путину, полиции, Госдуме, судам, банкам и местному руководству, предполагала следующие категории ответов: «полностью доверяю», «частично доверяю» и «полностью не доверяю». Мы проанализировали распределение вероятности полного доверия и недоверия (полного или частичного) к каждому лидеру и институту. Основные выводы указывают, что взгляды российских мусульман отличаются от взглядов немусульман с точки зрения доверия лидерам и институтам, но по-разному: в зависимости от того живут ли они на Северном Кавказе или где-то еще (см. Таблицу 1). Северокавказские мусульмане более склонны полностью доверять Путину, но при этом более склонны не доверять институтам (в первую очередь, полиции, судам и банкам). Мусульмане из иных регионов, напротив, меньше доверяют Путину, но при том реже выказывают недоверие к прочим институтам. Ни одна из групп мусульман не проявляет недоверие к Путину в большей или меньшей степени, чем немусульмане.

Таблица 1. Различия в доверии к институтам между российскими мусульманами и немусульманами

	Мусульмане Северного Кавказа	Прочие мусульмане
Полностью доверяют Путину	.10	-.08
Не доверяют Путину	.01	-.01
Не доверяют полиции	.13	-.10
Не доверяют Госдуме	.04	-.16
Не доверяют судам	.17	-.18
Не доверяют банкам	.11	-.18
Не доверяют местной власти	.04	-.14

Примечание. Выделенные жирным шрифтом числа - статистически значимы, остальные нет. Таблица 1 показывает усредненные предельные эффекты статистических моделей, контролирующих пол, возраст, образование и проживание в городе/сельской местности. Эти числа представляют различия в вероятности в сравнении со взглядами российских немусульман при сопоставлении со взглядами респондентов, имеющих прочие сходные (приводившиеся выше) характеристики.

Внутренняя политика

Исследование по проекту «Квартирный вопрос и социальная стабильность» включало в себя вопросы к респондентам по поводу их взглядов на множество тех ключевых и политических проблем, которые связаны с поддерживаемыми путинским режимом базовыми нормами. В данном случае мы также выявили значительные отличия в точках зрения мусульман и немусульман; многие из этих отличий варьируются в зависимости от региона проживания первых (см. Таблицу 2). Обе группы мусульман в несколько большей степени, чем немусульмане, были расположены согласиться с тем, что свободные и честные выборы важны для процветания России. Этот вопрос, однако, не вступает в конфликт с ключевыми нормами путинского режима, ибо последний и сам провозглашает, что выборы жизненно важны. С другой стороны, власть скептически относится к роли политической оппозиции и свободы собраний, изображая их в качестве инструментов, с помощью которых внешние враги России подрывают ее суверенитет. Мусульмане, живущие за пределами Северного Кавказа, соглашались с режимом в меньшей степени, чем немусульмане: напротив, они более склонны полагать, что для процветания России важны сильная оппозиция и свобода собраний. Они также менее склонны поддерживать ужесточение правительственного контроля над Интернетом (чего добивается путинский режим) и чаще утверждать, что протесты благотворны для страны.

Таким образом, живущие за пределами Северного Кавказа мусульмане относятся к поддерживаемым путинским режимом ключевым нормам более скептически, чем немусульмане. Северокавказские же мусульмане по своему отношению к данным вопросам неотличимы от немусульман. Они выказывают мощную поддержку другим ключевым направлениям путинского политического курса, в восприятии которых остальные мусульмане не отличаются от немусульман. Северокавказские мусульмане гораздо чаще не приемлют зарубежное финансирование наблюдающих за выборами или работающих в сфере экологии отечественных неправительственных организаций, а также выражают свою антипатию по отношению к гомосексуалам. Таким образом, поддержка путинских политических и социальных норм выше среди северокавказских мусульман и слабее среди мусульман из других регионов. Первые также менее склонны придерживаться ксенофобских взглядов по отношению к мигрантам, что не противоречит поощрению трудовой миграции со стороны путинской администрации. Наконец, обе группы выступают в поддержку религиозной толерантности и более позитивного восприятия отношений между мусульманами и этническими русскими, нежели это прослеживается во взглядах немусульман. Эти два вывода являются серьезными аргументами против употребления образа «халифата», используемого для характеристики российских реалий алармистски настроенными наблюдателями. Если бы экстремистские идеи были популярны в каком-либо из крупных мусульманских сообществ, были бы заметны тенденции отвергать относящихся к другим религиям соседей или более негативно характеризовать отношения между мусульманами и русскими.

Таблица 2. Различия между мусульманами от немусульманами во взглядах на социально-политические проблемы. (См. примечание к Таблице 1.)

	Мусульмане Северного Кавказа	Прочие мусульмане
Свободные и честные выборы очень важны для процветания России	.03	.06
Сильная оппозиция очень важна для процветания России	-.01	.12
Свобода собраний очень важна для процветания России	-.04	.09
Выступают за усиление контроля властей над Интернетом	.04	-.04
Протесты полезны для страны	-.05	.07
Выступают против зарубежного финансирования наблюдающих за выборами неправительственных организаций	.21	-.01
Выступают против зарубежного финансирования экологических неправительственных организаций	.19	.03
Не хотят, чтобы гомосексуалы были их соседями	.25	.05
Не хотят, чтобы иностранные мигранты были их соседями	-.10	-.02
Не хотят, чтобы приверженцы других религий были их соседями	-.04	-.09
Русские и мусульмане плохо ладят в моем населенном пункте/в моем регионе	-.08	-.08

Внешняя политика

Глобальная сущность радикального ислама и напряженность между Россией и Западом делают особенно значимым вопрос о том, склонны ли российские мусульмане поддерживать внешнюю политику Путина или же отвергать ее. Исследование по проекту «Квартирный вопрос и социальная стабильность» включало в себя вопросы о восприятии респондентами украинского конфликта, а также отношений России с шестью странами. В данном случае также прослеживаются существенные различия, которые заключаются в противоположных тенденциях восприятия проблем северокавказскими и прочими мусульманами (см. Таблицу 3). По сравнению с немусульманами, северокавказские мусульмане более, а остальные мусульмане менее склонны одобрять позицию Кремля. Это становится очевидным по ответам на вопросы о том, стоит ли России материально поддерживать сепаратистов в Украине, являются ли США главным виновником украинского конфликта, следует ли считать Китай и Иран союзниками России, а также являются ли Украина, Германия, США и Грузия

врагами России (как это утверждало российское руководство, проявлявшее, впрочем, некоторую двойственность в отношении Германии).

Таблица 3. Различия между мусульманами от немусульманами во взглядах на внешнеполитические проблемы. (См. примечание к Таблице 1.)

	Мусульмане Северного Кавказа	Прочие мусульмане
России следует материально поддерживать сепаратистов в Украине	.10	-.07
США - главный виновник войны в Украине	.12	-.08
Китай является союзником или партнером России	.13	.01
Китай является врагом России	-.01	.01
Иран является союзником или партнером России	.31	-.03
Иран является врагом России	-.03	.00
Украина является союзником или партнером России	-.04	.01
Украина является врагом России	.18	-.01
Германия является союзником или партнером России	.00	.10
Германия является врагом России	-.02	-.07
США являются союзником или партнером России	-.02	.02
США являются врагом России	.04	-.10
Грузия является союзником или партнером России	-.05	.05
Грузия является врагом России	.09	-.08

Выводы

Наши эмпирические данные показывают, что политические взгляды российских мусульман отличны от взглядов немусульман по вопросам о доверии к лидерам и институтам, видению ключевых для путинской повестки дня социально-политических проблем и отношению к российской внешней политике. Кроме того, имеет место отчетливое географическое разделение сообщества российских мусульман по следующим вопросам:

- Мусульмане, проживающие в таких северокавказских регионах как Дагестан, Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия, склонны больше поддерживать Путина, но при этом проявлять меньшее доверие к иным правительственным и социальным институтам, решительнее выступают в поддержку отстаиваемых путинским режимом политических и социальных норм и с большей вероятностью одобряют внешнюю политику Кремля последнего времени.
- Напротив, мусульмане из других регионов (большинство из которых проживают в поволжских республиках Башкортостан и Татарстан) более склонны занимать противоположную позицию по трем упомянутым вопросам: они проявляют меньший энтузиазм по поводу Путина, однако больше доверяют другим правительственным и социальным институтам, более скептически относятся к путинским социальным и политическим нормам и меньше поддерживают российскую внешнюю политику.
- Мусульмане из обоих регионов проявляют более высокий уровень религиозной толерантности и дают более позитивную оценку отношений между этническими русскими и мусульманами, чем россияне-немусульмане, что свидетельствует против применимости алармистского образа «халифата» для характеристики их настроений.

В более широком смысле, наши данные указывают на то, что «кадыровщина» - чрезвычайно сильная поддержка Кремля и особенно его внешней политики, а также социальный консерватизм, наряду с подозрительностью в отношении других правительственных институтов (что можно связать с требованием суверенитета на местах) – возможно является более мощной силой на Северном Кавказе, нежели исламский радикализм. Мусульмане из других российских регионов более скептически относятся к официальной позиции российских властей по некоторым проблемам. Если и имеется тенденция к формированию у мусульман России отчетливо критических взглядов, то она с большей вероятностью характерна для мусульман, живущих за пределами Северного Кавказа. Однако даже и в этом случае такую тенденцию можно считать обусловленной более широким недовольством Путиным и его политикой.

В целом, различия между взглядами обеих мусульманских групп населения и немусульман в числовом выражении невелики. Тем не менее, в предстоящий период стоит обратить на них внимание. Эти данные указывают на важность отслеживания различий в динамике общественного мнения российского мусульманского сообщества ввиду очевидного расхождения во взглядах северокавказских и поволжских мусульман. Неспособность объяснить региональные отличия между взглядами мусульманских может легко привести исследователей к выводу о том, что мусульманское население

очень напоминает немусульманское в соответствии с образом «каши», поскольку большинство различий проявляются в разных регионах по-разному.

Из приведенных выводов следует, что политикам следует с недоверием относиться к заявлениям о растущей «исламской угрозе» в России. Это не означает того, что исламские экстремисты не представляют угрозы: ведь даже небольшое число преданных делу радикалов может нанести огромный ущерб посредством терактов. Однако, преувеличивать популярность экстремистских идей среди населения - значит поощрять жесткие репрессии, которые могут способствовать дальнейшей радикализации в долгосрочной перспективе. Это также побуждает наблюдателей сбрасывать со счетов значительные усилия путинского режима по обеспечению лояльности мусульман, что приносит особенно эффективные результаты на Северном Кавказе. Лишь немногие исследования социальной базы поддержки режима Путина относят мусульманское сообщество к числу возможных опор путинизма. Чрезмерная концентрация на угрозах радикализации и джихада могла сделать эффективность задействованных режимом долговременных стратегий кооптации незаметной для наблюдателей. В то же время, большой скептицизм по отношению к путинской власти в среде мусульман, главным образом, из республик Поволжья, указывает на потенциальный источник роста оппозиционности, не связанной с исламским радикализмом.